

А. П. БАРАНЦЕВ (Петрозаводск)

ЛЮДИКОВСКИЕ ЗАГОВОРЫ НАЧАЛА XVII ВЕКА: ТЕКСТЫ, ЧТЕНИЕ *

В настоящей статье публикуются в нашем прочтении тексты людиковских заговоров из рукописного сборника начала XVII века; одновременно обсуждаются наиболее сложные палеографические реалии, которые допускают возможность неоднозначного чтения и интерпретации.

При подготовке людиковских текстов к изданию была проведена предварительная работа.

1. Оригиналы людиковских заговоров, как и весь сборник, в целом записаны русской скорописью XVI—XVII вв., в них проявляются особенности данной системы русской графики — слитное написание слов, обилие выносных букв, использование сокращений и титлов и т. д. Палеографическая сторона людиковских записей не доставляет особых затруднений для чтения букв и слов. Некоторое неудобство причиняется тем, что в оригиналах в соответствии с орфографической традицией того времени буква *ѣ* часто не отличается от *ь*, *в*, *з*, а буква *ь* — от *ѣ*, *в*, *з*; в конце слов графемы *ь* и *ѣ* нередко пишутся автоматически, т. е. они использованы не в современной функции передачи палатализации и ее отсутствия. Выносные буквы *л*, *т*, *в*, *х* во многих случаях передаются одинаковыми символами.

Руководствуясь правилами передачи русскоязычного рукописного текста (Черепинин 1956 : 566), мы расчленили слитные строки текстов на слова, внесли в строку выносные буквы, которые далее выделяются курсивом. Сокращенные написания слов сохраняются, как и сокращения конца слов при выносной букве. Рукописные варианты русских букв обобщены в пользу стандартов азбуки XVII в., другими словами, рукописные обозначения одних и тех же букв заменены на печатные, типографские символы. По техническим причинам осуществлено обобщение написания вариантов отдельных графем, в частности *е*, *и*, *о*, *у*, *я*, *ф* и т. д. В общем виде рукописные варианты одних и тех же букв заменены эквивалентными печатными знаками.

Надстрочные знаки неясного характера не воспроизводятся. Дефектные места, не поддающиеся чтению, указываются многоточием. Конъектуры даются в круглых скобках. Строки в текстах заговоров пронумерованы нами.

По смыслу слова объединяются далее в синтаксические группы и предложения, знаки препинания введены нами. В предлагаемых конъектурах учитывались грамматико-морфологический фон окружения, синтаксический контекст, общий смысл заговора.

2. Отдельные палеографические факты в текстах заговоров требуют пояснений. В примечаниях к текстам словами 'так в рукописи' (= так в ркп.) отмечены недописки, описки и прямые ошибки писца, они раскрываются нами в последующем правильном написании данных слов. В других случаях приводятся альтернативы в чтении некоторых слов и т. д.

3. Чтение текстов нередко сопряжено с необходимостью фонетико-грамматической идентификации отдельных трудных палеографических отрезков. Такие случаи вынесены в комментарий, которым снабжен каждый текст.

* Первая часть работы опубликована в СФУ XX 1984, с. 298—303.

Заговор № 1

Он помещается на лицевой и обратной сторонах листа 18. Верх листа и правый край местами осыпался. На некоторых строках имеются грязные пятна, затрудняющие чтение многих букв и частей слов. В начале нашего столетия во времена В. И. Срезневского верхний край листа был еще в сохранности, поэтому он сумел прочитать начало русскоязычного предисловия к людиковскому заговору (1913 : 198): «Слова о при... закато^м солнечном да говорити и пити воды тои и обкатитса да... муж до солнечног восход говорит на вод.. имат з берега». От названия заговора сохранился только первый слог, что явно недостаточно даже для рабочей гипотезы. Этим словом могли начинаться названия различных по содержанию заговоров — от прикоса, от привстречи, от присухи, от притчи, от призора и т. д. Людиковский текст сохранился почти полностью, отсутствует лишь одна строка, которая размещалась на самом верху листа с обратной стороны.

л. 18. 1. Новзовъ мустас мерес мусть мѣзь, му(стат)
рясят пял, мусть костели кядесь. (Ишк)ов
мусть мѣзь мустал костел(ил) кохт(айд-)
аван кулиякъс, кохтайдаван терь-

5. вгексъ. Крызин кулиякъс, тямян раб(ан)
бѣянн [м] терьвгекси. Новзов мус(тас)
мерес мусть оригъ раиндаи(же)т¹ ко(пы-)
тат и поткайдав мусть оригъ р(авда-)
ижел капытаилъ кохтаида(ван кули-)

10. якъс, кохтайдаван терьвгексъ. (Кры-)
зин кулиякъс, тямян рабан бѣянн [м]
терьвгексъ. Новзов мустас мер(ес)
муст гуртъ, ваксинжет² гамбаг(ат).
И пуров мусть гуртъ васкийжел

15. гамбагил кохтайдаван кулиякъс, ко-
хтайдаван терьвгексъ. Говорит
во всѣ три стати. Крызин кулиякъс //

л. 186. 1. кюнзил кохтайдаван кулиякъс, кох(тай-)
даван терьвгекси, тямян рабан бѣянн
[м] терьвгексъ. Новзов мустас мерес
мусть саккаль, кулдаижет кюндет,

5. (кулдайн)е неня. Ишков кулдайжел кюнзил
(с)аккал да кулдайжел ненял кохтай-
дав(а)н кулиякъс, кохтайдаван
терьвгексъ, тямян рабан бѣянн [м]
терьвгексъ. Луть лугу, нивелет

10. нивелеге, сустават сустав(аге), сенчеме-
(к)юммендъ сондъ юхтех суте³.

Примечания: 1. Так в ркп.; д. б. *равдаи(же)т* 'железные'. 2. Так в ркп.; д. б. *васкиишет* 'медные'. 3. См. комментарий.

Комментарий: В диалектном отношении данный текст относится к группе непосредственно людиковских говоров, характерным признаком выступает окончание *-вѣ* в глаголах 3 л. ед. ч. презенса: например, *новзовѣ* 'он подымается'. В вепских говорах в таких случаях используется окончание *-б*. В двух примерах окончание транслатива имен содержит гласную *-и*: *терьвгекси*; в остальных случаях гласная отсутствует. Поскольку смешение *и* с *ѣ* или *ь* в конце данных словоформ приходится исключить (и различается в ауслaute ясно), то здесь мы имеем скорее всего дело с фонетическим варьированием окончания транслатива.

В самом конце заговора зафиксировано слово *суте*. Палеографически отчетливую запись можно толковать по-разному. Ее можно рассматривать как небрежно обо-

Примечания: 1. Ранее мы читали это слово как *нолимишъ* 'со своими стрелами' (Баранцев 1980 : 324), при этом предпологалась описка в передаче падежа адессива существительного **ноль* 'стрела'. Более внимательное изучение источника в палеографическом отношении показывает, что данное слово вполне допустимо читать как *нолилаишъ*, что представляет собой точную форму адессива множественного числа в сочетании с притяжательным суффиксом. 2. Слово *пяллиштеит* допускает различные толкования, одно рассматривается ниже.

Комментарий: По диалектным признакам заговор представляет группу непосредственно людиковских говоров. Их яркой особенностью выступает элемент *-тай* в глаголах 3 л. мн. ч. презенса индикатива: *новзътай*. Это четко отличает людиковскую форму от ливвиковских и вепсских, ср. ливв. *noustah*, вепс. *nouzebad* ~ *noustaže* 'они поднимаются'. Данное определение подтверждается и лично-притяжательным местоимением **ома* 'свой'. В вепском языке, как известно, в данной функции используется местоимение *ibe* 'свой'. Лексема **евзи* 'лук' в современном языке вепсов отсутствует, ее заменяет *тавз/тауг*. Словоформа *пяллиштеит* представляет собой форму партитива множественного числа лексемы **пяллиштай*. Но такая глоссема в людиковском и вепском словарях отсутствует. Поэтому слово, видимо, дескриптивно по характеру денотации, его конкретное значение выводится из ближнего контекста как 'зевака, глазающий'.

Содержание текста и название заговора совпадают, назначение его раскрывается во введении.

Перевод: 1. 'Поднимаются из моря синего со своими луками // 1. (со своими) стрелами (золотые мужи), а имеется у семьи (~ застолья) для защиты только живот; и застрелил (золотой муж) своими луками и своими стрелами всех вместе: недоброжелателя и 5. навстречу идущего и с плота смотрящего и через улицу, глазающих'.

Заговор № 3

Людиковский фрагмент размещается на лицевой стороне листа 19. Нижняя правая часть засалена пальцами, буквы и их сочетания затерты в отдельных местах. Заговор имеет следующее введение на русском языке (ср. Срезневский 1913 : 198): «Слова на свадьбу пойдучи. В руке держать железо и огонь и говорить и железом около себя чертит».

Текст сохранился полностью, но прочтение строк 8—10 затруднено.

- л. 19. 1. ло собя чертит. Олка равдаине се-
ин и равдаине линдъ¹ мас тайвагазе саи
и таива² мага саи юмбри тяс кавне-
гесъ канзькундас и олкъга тулиине
5. эгес мас таивъгазе саи и таивгас мага
саи никелле приступат ен олинж.
Гиден гирмуишъ — мягат вароикшъ. (ми-)
ня тидяи- тѣкия нитуиз пей туко-
н и махтаи махтъкага(т); ми лавла-
10. ноу тядя тес — олга махтка(гат) техтю.
А кенъ милен аетелен и кен минда гоман-
ноу, мянкага³ гянеде ома иччеле⁴ кайки и
пях да повеге.

Примечания: 1. Так в ркп; д. б. ? *линдъ* 'город; укрепление; гора'. 2. Так в ркп; д. б. *таивгас* 'от неба'. 3. Так в ркп; д. б. *мянкага* 'пусть войдет'. 4. Так в ркп; д. б. *иччеле* 'ему самому'.

Комментарий: Запись отражает признаки непосредственно людиковского говора, им является, в частности, лично-возвратное местоимение *ома иччеле* 'самому себе'.

Словосочетание *Гиден гирмуишъ* читаем как 'от ужасов Хийси'. Лексемы **гиси*

'Хийси, загробный мир; заколдованное место' и **гирм* 'страх, ужас' в людиковских и вепсских говорах не сохранились, в словарях они не отмечены. Однако эти слова встречаются в других прибалтийско-финских языках, например, в карельском, что делает вероятным использование данных лексем в недалеком прошлом и в речи людинцев.

Строки 8—10 текста можно читать различным образом, причиной тому служат, видимо, пропуски каких-то слов, о чем говорят колебания в употреблении словоформ и несогласованность отрезков предложения в строке 11 в формах лица глаголов *аетелен* 'я думаю' и *гомаиноу* 'он заметит', выборе падежа местоимения *милен* 'мне'.

Людиковская запись относится к т. н. заговорам от порчи. После рассматриваемого текста следует условный знак, затем — описание обряда: «Говори на недвижном камени или на печи, около себя... копьём с трубой или топором или косарем». Перевод: 'Пусть будет железная стена и железная гора от земли до неба и от неба до земли вокруг этого великолепного застолья. И пусть будет железная 5. борона от земли до неба и от неба до земли, чтобы приступа никому не было бы. От ужасов Хийси — горы в защиту. Я знахарь-создатель, из лугов (сделаю) опору. Я — знающий знание; кто произнесет 10. это здесь — пусть знание будет сделано. А кто обо мне подумает и кто меня заметит — пусть ему самому все войдет в голову и за пазуху'.

Заговор № 4

Текст размещается на обратной стороне листа 19, начинается на первой строке сверху; он сохранился полностью, читается легко.

- л. 19б. 1. От всякого портежу. Сьундюрхти-
на, анда гювял часул геиньяноран пидус,
кивен лююсь, киви оцан мустус.
Напереди и назади лазе равдаине ристь
5. мас таивгазе саи и таивгас и мага
саи элелдяни ялелянди¹ паган
пагинойшта и паган аелетускиш
шта² тугинексени, турвиксени,
варонкишени да комокшени.

Примечания: 1. Так в ркп; д. б. *ялелдяни* 'позади меня'. 2. Так в ркп; д. б. *аелетуксишта* 'от помыслов'.

Комментарий: По диалектным признакам запись представляет группу людиковско-собственно карельских говоров. Начало заговора, строки 1—3 имеют людиковско-вепсский отпечаток: нет, например, чередования ступеней согласных в словоформе *анда* 'дай', ср. ливв., карС *анна*.

Вторая часть текста резко отличается от первой, она содержит такие карелизмы: в словоформах *лазе* 'опусти', *ялелянди* (от *ялелдяни*) 'позади меня' выступает слабая ступень согласных. В словах *элелдяни* 'спереди меня' и *ялелянди* 'позади меня' используется падеж аблатив. В существительных *паган пагиноишта* 'от разговоров недоброжелателя', *паган аелетуксишта* (д. б. *аелетуксишта*) 'от помыслов недоброжелателя' встречается падеж элатив, он, как и аблатив, не наблюдается сейчас в людиковских и вепсских говорах. Данные падежи не употребляются в этой же части заговора в словах *мас* 'от земли', *таивгас* 'от неба'.

Собственно карельское происхождение имеет скорее всего лексема **комо* 'убежище, безопасное место (транслатив)', в наши дни она употребляется в карельских говорах, но отсутствует в людиковско-вепсском ареале.

Смысл текста соответствует его русскоязычному названию.

Перевод: 1. 'Господи-боже, дай в добрый час длину сенной веревки, крепость камня, темноту поверхности камня. Опусти железный крест 5. от земли до неба и от неба до земли спереди меня и позади меня от недобрых слов и недобрых помыслов для моей опоры, моей безопасности, моего берега и моего убежища'.

Заговор № 5

Он содержит одно предложение, записан на лицевой стороне листа 27 — на верхней половине. Текст сохранился полностью. В сборнике он классифицируется как заговор от пореза.

- л. 27. 1. Новскага кивет килбекши, мягет варакси,
гидат гилбикси¹.

Примечание: 1. д. б. ? *килбекши* 'в защиту, щитом'.

Комментарий: Запись отражает в диалектном отношении группу людиковско—собственно карельских говоров, характерным признаком выступает отсутствие чередования ступеней согласных в словоформе *килбекши* 'щитом (транслатив)', ср. фин. *kilpi: kilveksi*. Эта лексема ныне встречается в финском языке, о западном направлении говорит и лексема *гидат* 'пески', она встречается в собственно карельском диалекте.

Перевод: 1. 'Поднимитесь, камни — щитом, горы — опорой, 2. пески — щитом'.

Заговор № 6

Людиковский текст записан в середине лицевой стороны листа 36, он сохранился целиком. Название заговора отсутствует.

- л. 36. 1. Тули, тули, палои пало. Пакуи палос кибин кулдайжеле
сярянале; кулдайжел сярянал веро кулдай-
желе мереле. Кулдайжес мерес кулдаине
неиндине пухтав тулен тускан, палон пак(он)
5. тья мигел тья часула гевген гебникши¹, яни-
кшен вилакшъ; сусъ омъ кулдъ, мас омъ
равдъ, мас олет родинулес и мас ома туги.

Примечание: 1. Так в ркп; д. б. ? *кебникши* 'легкий (транслатив)'.

Комментарий: Текст относится с точки зрения диалектологии к группе непосредственно людиковских говоров, об этом свидетельствует сочетание согласных *-ки-* в словоформе *яникшенъ* 'заяц (генитив)', ср. вепс. *яниш:* *янишан*, ливв. *яной:* *янойн*, скар. *янис*, *-ш:* *яниксен*, *яникшен*.

Первые два слова в заговоре до сих пор считались существительным *тули* 'огонь' (Срезневский 1913 : 200). По общему смыслу предложения начальный отрезок лучше читать как *тули тули* 'ветер дул'; палеографическая сторона не препятствует такому прочтению. В языке людинцев лексемы *тули* 'огонь', *тули* 'ветер', глагольная словоформа *тули* 'он дул' различаются по долготе гласного звука *у*. В русском языке оппозиция гласных по долготе отсутствует, прибалтийско-финское различие долгих гласных обычно не отражается на письме.

Лексема **сярян* 'лучина (аллатив)' отсутствует в словарях по ливвиковскому и вепсскому ареалам, ближайшая аналогия с корнем *сар-* обнаруживается в вепс. *сарез/сâрез* 'лучина', что позволяет реконструировать общее значение лексемы **сярян*.

По содержанию данный текст является заговором от ожога огнем.

Перевод: 'Ветер дул, горела пожара. Попала из пожара искра на золотую лучину, от золотой лучины (огонь) упал в золотое море. В золотом море золотая дева заговаривает тоску от огня, боль от ожога 5. у этого человека в этот час в легкость пуха, шерстью зайца; во рту — золото, в земле — железо, в земле ты родилась, и в земле — опора'.

Заговор № 7

Текст начинается внизу лицевой стороны листа 36, последние три строки записаны на обратной стороне данного листа. Графика текста отчетливая.

- л. 36. 1. Слова френпые. Кюн, кюн, тѣдян миня
кюн колме югексат, кюн емягеш, кюн пя
уккоиш, сини пя емягеш. Ма маттась¹
маделиц, кивикон гелизо² синун коди. Отан
5. миня шулкуижен вю(н), оигендан юличи
тулижес эгес. Сидя миня шулку- //

- л. 36б. 1. ижесь вюд мюте отан синун кибут,
кивикон гелиго² пайшгъкет синун паю
мяття³

Примечания: 1. Так в ркп; д. б. ? *мягасъ* 'в кочке (ин-элатив)'. 2. Так в ркп; можно читать как геливо — значение формы восстанавливается ниже. 3. Так в ркп; д. б. ? *мягя* 'в кочку (аллатив)'.
Комментарий: С диалектной точки зрения запись является непосредственно лю-
диковской, приметой выступает сочетание согласных *-кс-* в слове *югексат* (парти-
тив), ср. вепс. *югесят*. Словоформа *гелико* представляет собой скорее всего существитель-
ное в номинативе единственного числа. Исходя из контекста предложения, уместно
связать данную форму с лексемой вепс. *каллиц, калль*, люд. *калливо* 'скала, груда
камней', другими словами, словоформа передает данную лексему. Перевод предло-
жения может выглядеть так: 'в груди камней — твой дом'. За отсутствием сейчас
более экспланативных альтернатив пока остановимся на данной рабочей иденти-
фикации словоформы.

Текст является заговором от укуса змеи, последнее слово записано в названии
заговора тарабарщиной. Конец заключительного предложения, видимо, отсутствует.
Перевод: 'Слова змеиные. Змея, змея, знаю я, змея, три девятка (заговор):
змея — твоя мать, главный змей — твой отец, синеголовая (змея) — твоя мать.
В земляной кочке ползающий, в груди камней — твой дом. Возьму 5. я шелковый
пояс, расправлю поверх огненной реки. По этому шелковому поясу я сниму твою
боль в груду камней, опухоли твои — в кочку с ивой...'

Заговор № 8

Он записан на обратной стороне листа 40, правый край листа местами осыпался,
отдельные части слов здесь не сохранились. Название заговора отсутствует.

- л. 40б. 1. Лякъс мѣзь таивг(ас)
кулдаине, тавгъ кулдаине, и нулет, шулк(а-)
тъ, яндъ да гобеданне; да тули куивъ
кузи. Миня анбуи¹ куиван кузен и сорди¹
5. юрнезе и оксьнезе и кандои¹ кодиге и сурво(ин)
сурмънескъ² и явгои¹ явгоиксъ кулдаижел
петкелел гобедаижес гумбрес. И отин
да терван и сегойтин ухтезе коткан кобрат, саклин
сибет, габукан сулгат и пагат суд и пагат санята
10. и пагат верет и урокат и прикосат и нагрут уроген
и наштен и неичен и лапсен и папин и дякан
и старцан и церенкан. И кен лѣнет тегну сен пага(н)
— лягатин³ миня сен пага⁴ юличи уфтеса мер(ес)
и сугу⁵ саммлетогаи⁶ и ярве калотомга кус (ни-)
15. дя инегмиштан⁷ пидятябат. Ляксин миня п...
ин да тули рухнас Малдин кузи вастгаин. Мин(а)
амбуи¹ сен кузен и сордин юрнезе и оксьнезе и (туин)
кодиге и сурвои¹ сурмнекъс и явгои¹ явгоисксъ⁸ кулд(аиже-)
лъ петкелел гобедаижес гумбрес и сит миня

Примечания: 1. Так в ркп. В данных глагольных словоформах, видимо, не
записано окончание I л. ед. ч. *-н*: д. б. *анбуин* 'я выстрелил', *кандоин* 'я принес',
сурвоин 'я растолок', *явгоин* 'я размолол'. 2. Так в ркп; д. б. *сурмънескъ* 'на крупу

(транслатив)'. 3. Так в ркп; вместо *лягетин* 'я отослал'. 4. Так в ркп; д. б. *паган* 'зло (аккузатив)'. 5. Ранее мы читали данный фрагмент как *сугуле* 'на болотце'; обоснование нового чтения предлагается в комментарии. 6. Так в ркп; д. б. *самлетомгаи* 'в (болото) безмощное (иллатив)'. 7. Так в ркп; д. б. ? *инегмиштор* 'молодые женщины; дурные женщины; люди'. 8. Так в ркп; д. б. *явгоиксѣ*.

Комментарий: Текст отражает особенности людииковско-вепских говоров, об этом свидетельствует специфический глагольный суффикс 3 л. мн. ч. презенса индиктива *-бат* в слове *пидятябат* 'они держат', ср. вепс. *пидятябат/pidätabat*.

Смысл заговора прослеживается без перерывов, но отдельные слова требуют пояснений. Словоформа *церенкан* передает, должно быть, лексему *старицан* 'старицу': по ближайшему контексту требуется именно данная лексема — *нагрут*... и *старцан* и *церенкан* (д. б. *старицан*) 'насмешки... и старца и старицы'. Словоформа *уфтеса* представляет собой, очевидно, неточную запись слова *югеса* 'девять', ср. вепс. *ühesa*, люд. *üheksä*.

Первую часть строки 14 ранее мы членили и читали как сочетание слов *и сугуле самлетогаи* 'и на болотце безмощное', где словоформа *сугуле* рассматривалась как аллатив единственного числа существительного **согут/sohut* 'болотце' (Баранцев 1980 : 325). Данный вариант чтения все же маловероятен, так как допускает значительное фонетическое искажение в записи основы косвенных падежей единственного числа **согуде/sohude-* без элемента *-де*. Учитывая общие рамки и смысл предложения на этой строке, мы склоняемся сейчас к чтению отрезка как сочетания слов *и сугу самлетогаи* 'и в болото безмощное'. Здесь *сугу/suhu* — нормальная иллативная форма существительного **су/*su, *со* 'болото', выносная буква *м* помещается над первым слогом слова *самлетогаи*, где она избыточна — факты записи излишних букв в рукописи не редки.

Конец заговора отсутствует, следующий лист не сохранился. По содержанию это заговор на удачу в охотничьем промысле.

Перевод: 'Спустился муж с неба золотой, лук золотой и стрелы, оперенье, тетева да серебрянные; да попадается (навстречу) сухая ель. Я застрелил сухую ель и свалил 5. с корнями и ветвями и принес домой и растолок в крупу и размолот в муку золотым пестом в серебрянной ступе. И взял я да смолу и смешал в одно когти орла, крылья сокола, перья ястреба и дурные уста и дурные слова, 10. дурные крови и уроки и прикосы и насмешки мужей и женщин и девушек и детей и попа и дьяка и старца и старицы. И если кто напустит то зло, пошлю я то зло через девять морей в болото безмощное и озеро безрыбное, где 15. этих дурных женщин держат. Отправился я (на промысел), пришел да попалась навстречу княгиня Малдин — ель. Я застрелил ту ель и повалил с корнями и ветвями и отнес домой и растолок в крупу и размолот в муку золотым пестом в серебрянной ступе и тогда я...'

Заговор № 9

Запись помещается на лицевой стороне листа 41, левая часть строк 6—7 частично осыпалась; на некоторых строках имеются темные пятна. Введение и название заговора отсутствуют. Начало заговора не сохранилось, число утраченных листов между позже пронумерованными листами 40—41 неизвестно. На листе 41 имеется заключительный отрывок конечной фразы какого-то заговора: *тегин гювя рабу бжияле* [м], после него начинается рассматриваемый текст.

л. 41. 1. тегин гювя рабу бжияле [м]. Ляксн¹ миня кулдаижеле

мереле; кулдаижел мерел валгеткиви, валктал кивел
иштув пюгя юмалдемя. Миня андон¹ неть пугекет
пюгале юмалдемяле, пога емалда мянен² пугекет (таив-)

5. хвали иляган ми куй Ерусалима лиднага, Ерусалима

...ми а куй сюндърухнан гроба казвоц. Сюндрухна

...генин явгоиле³ каик итчет гювят.

- Ляксы¹ миня Ерусалима лиднага, Ерусалиман поикъ
 милен вастха сен генан⁴ туи и андои милен;
10. миня тулинъ тагаге пюга юмалдемя локсъ:
 «Пюга юмалдемя рухнастя⁵ силенже геинъ».
 Пюга юмалдемя отъ миланн сен геинян и пугу
 сиге геиннаге канк ютчет гювят кути кезаижен
 пивван паштама, кути сувийжен тулен
15. тулмага и се гянен густуксъ и се гянен тервю-
 стаксъ и сюлтустаксъ и лукин сен гейнан
 Янишан пяга и андои миленн сен Янишан пя;
 миня сен Янишан пялчин пимедгу пихко,
 конзь линиб⁶ тарбиш силои оттан⁷, конзь эй та-
20. рбиш силои энн⁸ отну⁹.

Примечания: 1. Так в ркп; в словоформах недописан суффикс -н, показатель 1 л. ед. ч. финитных глаголов. 2. Слово сочетание *пюга емалда мянен* можно читать как *пюга юмалдема нет* 'святая богородица эти'. 3. Так в ркп; можно читать и как *ялкоиле* 'ногам; подножию (аллатив)'. 4. Так в ркп; д. б. *геинан* 'траву (аккузатив)'. 5. Так в ркп; д. б. *тяс* 'здесь'. 6. Можно читать и как *линев* 'будет' — форма 3 л. ед. ч. от глагола *линдя*. 7. Так в ркп; д. б. *отан* 'я возьму': описка. 8. Так в ркп; вместо *эн* 'не'. 9. Так в ркп; вместо словоформы ? *ота* '(я не) беру'.

Комментарий: Текст манифестирует группу людиковского-вепских говоров; вепсизмами являются, в частности, союз *кути* 'как', лексема **пихк* 'густой мелколесье, чапыжник, молодой хвойный лес' в словосочетании *пимедгу пихко* (иллатив), глагольная форма *тарбишь* 'нужно', топоним **Янинё* (генитив) 'Онежское озеро'.

В заговоре употреблены два словоформы, смысл которых нуждается в пояснениях. В строке 15 записано предложение: *и се гянен густуксъ и се гянен тервюстаксъ и сюлтустаксъ*. В нем использованы слова *густуксъ* и *тервюстаксъ*, в грамматическом отношении они являются существительными в транслативе. Лексема *тервюс* с основой на -*та*- может быть связана с вепс. *тервус*/*t'erohus* 'здоровье, здравие', хотя сохраняются при этом сложности объяснения основы слова. С учетом данной реконструкции следует приступать к идентификации остальных двух словоформ, она дает как бы опору для понимания общего смысла предложения. Лексема **густ* с основой на -*сту*- в словарях людиковского и вепского языков не встречается, выяснение ее этимологии требует дальнейших исследований; общее значение, возможно, 'прославление'. Словоформа *сюлтустаксъ* воспринимается как искаженная запись слова *юлтустаксъ* 'для возвеличения', которое также нуждается в специальном исследовании. По смысловым и палеографическим соображениям такое значение здесь подходит. В целом мы вкладываем в обсуждаемое предложение генеральное содержание — 'прославление, здравие, возвышение' — в качестве рабочей гипотезы.

По смыслу отрывок представляет собой, на наш взгляд, конец заговора на успех лечения травами.

Перевод: ... сделаю я добро рабу божьему имярек. Пошел я на золотое море, в золотом море белый камень; на белом камне сидит святая богородица. Я дал эти заговоры святой богородице, от святой богородицы идут заговоры по небу 5. вверху как бы в город Иерусалим, в городе Иерусалиме как будто гроб Христа вырос. Господь-бог (наговорил) на корни травы всякое добро. Отправился я в город Иерусалим, сын Иерусалима мне навстречу ту траву принес и дал мне. 10. Я вернулся обратно к святой богородице: «Святая госпожа богородица, здесь тебе трава». Святая богородица взяла у меня ту траву и наговорила в эту траву всякое добро: как сияние летнего солнца, как 15. дуновение южного ветра. И это все для ее ? прославления и для ее ? здравия и (для ее) ? возвеличения. И бросил я ту траву в залив Онеги и вернул мне ту (траву) залив Онеги. Я ту (траву) — через Онегу в густой чапыжник: когда нужно будет, тогда возьму; когда не надо, тогда я не беру'.

Заговор № 10

Он записан на листе 41 — на лицевой и обратной сторонах. Сохранность графики хорошая, в отдельных частях некоторых строк имеются темные пятна. Текст заговора сохранился полностью. Русскоязычное введение состоит из предложения: «Где бже блгсли отче», после людиковского фрагмента составитель сборника пояснил жанр заговора — «поедучи на промысел, говори ж или куды ни будь».

- л. 41. 1. Сюндю рухтинас сютта (й), пога
юмалдема рухтинас, пога Мийккул и пога
Козма и Дамиан. Казватит сюттаи мяген мас таива-
газе саи //
- л. 41б. 1. ласкит мягес валгет мери и лякси валктас
мерес црь Костянтин, царял Костянтинал кулдаи-
жет кядет и кулдаижет ялгат и оть кулдаижиг(е)
кязиге минун и минун подюсет и ласкъ кулдаи-
5. жиши! кязишазе минун подюсет и оттъ
кулдаижиле кязигезе китовиян тавган
и отъ кулдаижиге кязигезе кулдаижен (винен),
кулдаижес винес кулдаижет нулет и амбуи
чилахтонт уростен уркиндат и наштен награн-
10. дат и кюлян призорат и пагонден и пагинат и вас-
тха тулиян и мюдга мянниян и кивел и ...
гол иштъят и верягил олият и мянга нет
пагинат и думат мерен рандале и авдои сув(ях).
А милеин юмал кяски кюмнин кюшъята, ми(ле-)
15. ин сада и вюгин туда.

Примечание: 1. Так в ркп; вместо ? *кулдаижил кязил* 'золотыми руками'.

Комментарий: С диалектной точки зрения текст принадлежит к группе люди-ковско-вепских говоров. Здесь использованы вепсизмы: согласная -с- вместо люди-ковского сочетания — кс- (*подюсет* 'ловушки', ср. непосредственно люд. *püüdükset*), специфическая лексема *тавг 'лук' в словосочетании *отти... китовиян тавган* 'взял он ... китовий лук'. Ныне она встречается в вепском и саамском языках.

Общее содержание заговора прослеживается отчетливо; грамматическая форма словосочетания *кулдаижиси кязишазе* и морфологическое строение его компонентов требуют дальнейшего изучения. По смыслу предложения здесь требуется падеж адессив-аблатив: формант *-ши-* в словах является, возможно, показателем притяжательности. В словах *уростен* 'мужей (генитив)', *наштен* 'женщин (генитив)' наблюдается редкая форма I генитива мн. ч. вместо современного вепского и людиковского II генитива мн. ч.

По содержанию текст соответствует его русскоязычному названию: он является заговором на успех промысла, охоты.

Перевод: 'Господи-боже, кормилец, святая богородица, святой Мийккул и святой Кузма и Дамиан. Поднял (ты), кормилец, гору до небес // 1. выпустил из горы белое море и вышел из белого моря царь Костянтин. У царя Костянтина золотые руки и золотые ноги и взял он в золотые руки меня и мои ловушки и выпустил он 5. ? из своих золотых рук мои ловушки и взял в золотые руки китовий лук и взял в золотые руки золотой (колчан), в золотом колчане золотые стрелы и застрелил он вынюхивание мужей и насмешку женщин 10. и призоры деревни и слова недоброжелателей и навстречу идущего и сзади идущего и на камне сидящих и в воротах стоящих. И пусть идут те слова и думы на берег моря и в глубь волн; а мне бог велел десятками запрашивать (добычу), 15. мне добывать и на полном поясе принести'.

Заговор № 11

Данная запись нами ранее не указывалась. Людиковский текст записан на лицевой стороне листа 12 (две верхние строки), сохранность хорошая. Он представляет собой людиковское вопросительное предложение — вкрапление в русскоязычном заговоре, название не сохранилось — верх листа оторван.

л. 12. сург он калаине и пинг он кала-
лаине и кескиманог¹ он калаине.

Примечание: 1. Так в ркп; д. б. ? кескимяйнег он 'средняя ли рыба'.

Комментарий. В диалектном отношении запись не идентифицируется. Предложение содержит вопросительную частицу -г(о).

Перевод: 'большая ли рыба и маленькая ли рыб-//ка и средняя ли рыба?'.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранцев А. П. 1980, О взаимодействии языков южной Карелии в начале XVII века. — CIFU V 3, 321—329.
Срезневский В. И. 1913, Описание рукописей и книг, собранных для императорской академии наук в Олонецком крае, Санкт-Петербург.
Черепнин Л. В. 1956, Русская палеография, Москва.

P. Virtaranta, Haljärven lyydiläismurteen muoto-oppia, Helsinki 1986 (MSFOu 190). 179 + 4 S.

Ein Gebiet, das man in den ostseefinnischen Sprachen bis heute noch recht lückenhaft erforscht hat, ist die Morphologie. Von den östlichen ostseefinnischen Sprachen ist es in erster Linie dem Wepsischen dank M. Zajcevas umfangreicher Forschung «Грамматика вепсского языка» (1981) gelungen, diese Schwachstelle zu überwinden. Das Werk enthält reichliches und gut systematisiertes Material zum Zentralwepsischen. Hinsichtlich des Karelischen muß sich der Forscher aber auf die vor mehr als hundert Jahren verfaßten Überblicke zum Eigentlichen Karelischen und Olonetzischen von A. Genetz stützen, doch es sind auch entsprechende Abhandlungen zur Valdai- und Tichviner Mundart erschienen (P. Palmeos 1962; V. Rjagojev 1977). Da das lüdische Sprachgebiet sowohl mit dem Wepsischen als auch Karelischen verflochten ist, nimmt es in der ostseefinnischen linguistischen Forschung einen besonderen Platz ein. Die Arbeit von P. Virtaranta «Haljärven lyydiläismurteen muoto-oppia» (Morphologie der Haljärvi-Mundart des Lüdischen) ist der erste ausschließlich morphologische Überblick zu diesem viele Eigenarten aufwei-

senden Dialekt des Karelischen. Dabei sind die Sprachzüge des Lüdischen von manchem anderen Aspekt aus bisher keineswegs wenig erforscht worden. Einen bescheidenen Anfang machte damit schon A. Genetz («Vepsän pohjoiset etujoukot», 1872), ein umfangreiches Wörterbuch stellte J. Kujola zusammen («Lyydiläismurteiden sanakirja», 1944) und einen ausführlichen lautgeschichtlichen Überblick verfaßte A. Turunen («Lyydiläismurteiden äännehistoria» I—II, 1946 und 1950). Von den sowjetischen Forschern hat A. Barancev, der selbst lüdischer Abstammung ist, wertvolles Sprachmaterial veröffentlicht («Фонологические средства людиковской речи», 1975 und «Образцы людиковской речи», 1978).

Doch ein Heraussuchen des morphologischen Materials aus den genannten Werken ist kompliziert und zeitraubend, wobei zweifellos unausgefüllte Lücken in Erscheinung treten würden.

Als einer der heutigen Forscher des karelischen Sprachraums hat P. Virtaranta neben zahlreichen anderen Publikationen auch umfangreiche Arbeiten zum lüdischen Dialekt herausgegeben. Unüber-